

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО

О НОВОМ ТИПЕ РУССКОГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА

Статья Андрея Фефелова "Строим Собор" — событие не только публицистическое, но и, если угодно, архитектурное. Нам предъявлен чертёж здания, в котором русская цивилизация либо обретёт цифровой дом, либо останется без крова в эпоху постглобализационного шторма. Три яруса — от промышленной телеметрии до публичной коммуникации. Геосоциальность, возвращающая пространству язык. Операция "Свяжск-2040" как метод параллельного проектирования в условиях катастрофической нехватки времени.

Всё это впечатляет. Но любой зодчий, глядя на чертёж, задаёт один и тот же вопрос: из какого материала будем строить?

КИРПИЧИ ДЛЯ СОБОРА: АНТРОПОЛОГИЯ ЦИФРОВОЙ ТВЕРДИ

В манифесте Фефелова блестяще описана архитектура будущего. Однако вопрос о "кирпичах", о человеке, который войдёт в этот Собор и будет держать его своды, пока не освещён. Между тем главная угроза для любого великого замысла в России — не отсутствие технологий и не происки врагов. Главная угроза — антропологическая. Мы можем построить идеальную цифровую платформу, но, если в ней поселится вчерашний "потребитель контента", привыкший к токсичным соцсетям и чужим алгоритмам, Собор превратится в очередной маркетплейс с куполами.

Кто же он — человек, способный не просто пользоваться Собором, но и строить его и жить в нём? Попробую ответить на этот вопрос не как теоретик, а как практик, проведший двадцать лет на стыке "земли" и "цифры".

Три опоры нового гражданина.

Первое. Алгоритмическое мышление как новая грамотность.

В дискуссиях о цифровизации мы часто скатываемся в две крайности: либо технократический восторг ("нейросети всё решат"), либо апокалиптический неприятие ("цифровой концлагерь"). И то, и другое — инфантилизм. Взрослая позиция заключается в том, чтобы понимать логику алгоритмов, не становясь их рабом.

Я пришёл к этому поздно. В 52 года, имея за плечами опыт мерчандайзера, торгового представителя, супервайзера и корпоративного тренера, я сел за учебники по машинному обучению. Не ради смены профессии, а потому, что почувствовал: алгоритмическое мышление — это новая грамматика реальности. Без неё ты не гражданин цифрового государства, а просто "пользователь", которого ведут по ленте чужие смыслы. Собору нужны не зрители. Собору нужны сотворцы, понимающие, как работает инструмент.

Второе. Физическая и ментальная выносливость.

Эпоха "идеального шторма", о которой пишет Фефелов, — это не метафора. Это повседневность, в которой уровень стресса будет только нарастать. Цифровая твердь не отменяет необходимости иметь крепкое тело и устойчивую психику.

Упражнения с гириями, закаливание, суставная гимнастика, дыхательные практики — для меня это не хобби и не ЗОЖ в его гламурно-фитнесном изводе. Это базовая подготовка к жизни в турбулентной среде. Государство может дать платформу, но способность сохранять ясность ума и крепость тела под давлением обстоятельств каждый развивает сам. Собор будет стоять на плечах тех, кто заботится о теле и умеет дышать — в прямом и переносном смысле.

Третье. Опыт горизонтального управления.

В статье Фефелова говорится о "среднем ярусе" Собора — пространстве компетенций, где сходятся логистика, трудовые ресурсы, связь бизнеса и государства. Это самый уязвимый ярус. Именно здесь рвутся цепочки, теряются смыслы и умирают благие начинания.

Двадцать лет "в полях" — работа с торговыми точками, выстраивание команд, обучение персонала — дали мне понимание простой истины. Любая система работает только тогда, когда есть живой человек, способный перевести стратегию "верхнего яруса" на язык конкретного действия "внизу". Алгоритмическая координация, о которой мечтает Фефелов, невозможна без людей, умеющих договариваться, видеть систему целиком и брать на себя ответственность без оглядки на должностную инструкцию. Собору нужны не просто менеджеры, а мастера — в средневековом, цеховом смысле этого слова.

Я не эксперт по цифровизации. Я — один из тех самых "кирпичей", которые пытаются понять, куда их кладут и выдержат ли они нагрузку. И мой опыт говорит: Собор начнётся не с министерских приказов и не с запуска очередной платформы. Он начнётся тогда, когда

да появится критическая масса людей, сочетающих в себе три названных качества: цифровую грамотность, физическую выносливость и способность к горизонтальному управлению.

Такие люди уже есть. Я вижу их вокруг — среди бывших военных, освоивших интернет-технологии, среди фермеров, изучающих логистические алгоритмы, среди тренеров, понимающих биомеханику на уровне данных. Это новая антропология. Антропология цифровой тверди.

Андрей Фефелов закончил свою статью словами: "Строить Собор. Нельзя ждать".

Я бы добавил: строительство Собора человек начинает с самого себя. Со своего тела, способного выдерживать нагрузки. Со своего разума, обученного алгоритмическому мышлению. Со своей воли, готовой связывать смыслы и действия на земле.

Когда таких "кирпичей" станет достаточно, Собор вырастет сам, потому что архитектура у нас уже есть. Дело за материалом.

РУССКОЕ ПОДВИЖНИЧЕСТВО КАК ПУТЬ ЧЛОВЕКА БУДУЩЕГО

Выше я говорил о трёх опорах "человека для Собора": алгоритмическом мышлении, физической и ментальной выносливости, опыте горизонтального управления. И хочу углубиться в суть второй опоры — той, которая касается тела и духа, — и показать: то, что часто воспринимается как личный выбор или модное веяние ЗОЖ, на самом деле имеет глубокие корни в русской традиции. Это традиция подвижничества.

Мы живём в эпоху постглобализационного кризиса. Прежний мир, построенный на культе потребления, трещит по швам. Логистические цепочки рвутся, финансовые пузыри сдуваются, а человек, привыкший к бесконечному разнообразию товаров и услуг, оказывается растерянным и уязвимым. Общество потребления формирует несвободного индивида: его настроение зависит от возможности купить новую вещь, его статус — от марки автомобиля, его счастье — от лайков в социальных сетях. Это удобный объект для

манипуляции, но крайне ненадёжный материал для строительства будущего.

Русская цивилизация всегда знала альтернативу. Она не отрицала материальный мир, но ставила выше него мир духовный. И носителями этой альтернативы были подвижники — люди, добровольно ограничивавшие свои потребности ради высшей цели. Подвижничество — это не удаление от мира, не аскеза ради аскезы. Это способ концентрации жизненной энергии на главном. Это технология свободы.

Вспомним два, казалось бы, несопоставимых примера — Иосифа Сталина и Николая Фёдорова. Что общего у вождя-прагматика, строившего индустриальную империю, и у философа-космиста, мечтавшего о воскрешении предков? Их объединяет образ жизни. Сталин, по свидетельствам современников, был неприхотлив в еде. Основу его рациона составляли простые блюда: гречневая каша с говядиной, борщ, компот. Кстати, моя бабушка, работавшая медсестрой, готовила точно так же — просто, сытно, без выкрутасов. И дожила до девяноста четырёх лет, до последних дней сохраняя ясный ум. Может, дело не только в генетике? Никаких изысков, никакого гурманства. Сталин жил в скромной обстановке, носил простую одежду. Это не было ни скупостью, ни показным аскетизмом. Это была концентрация воли. Человек, ведший страну через индустриализацию и самую страшную войну в истории, не мог позволить себе рассеивать драгоценную психическую энергию на гастрономические

удовольствия или погону за бытовым комфортом. Его подвижничество было инструментом управления колоссальной державой.

Николай Фёдоров, автор "Философии общего дела", являл собой иной, но не менее впечатляющий пример. Он спал на сундуке, питался хлебом и чаем, а почти всё своё жалованье раздавал нуждающимся студентам и тратил на покупку книг для библиотеки. Его сознание было полностью занято проектом воскрешения предков и освоения космоса. Какой уж тут быт! И знаящие его люди говорили, что он был абсолютно счастлив. Мы бы, наверное, так не смогли. Или смогли бы?

Эти примеры — не призыв немедленно переместиться с ортопедического матраса на сундук и питаться одним хлебом. Они — свидетельство того, что добровольное самоограничение освобождает колоссальные ресурсы времени, внимания, воли. Подвижник менее зависим от внешних благ, а значит, более свободен и более счастлив. Его счастье не привязано к уровню потребления. Его статус — внутренний, а не внешний.

В условиях глобального шторма это качество становится цивилизационным преимуществом. Человек, чьи базовые потребности сведены к разумному минимуму, не впадёт в панику, если с полок магазинов исчезнет импортный сыр или подорожает ипотека. Он просто продолжит делать своё дело. Он устойчив, как скала.

Более того, современное подвижничество обретает новые измерения. Я бы выделил три ключевых.

Первое — пищевое. Это не модная диета, не подсчёт калорий. Это осознанный выбор в пользу простой, здоровой, традиционной русской пищи. Гречка, квашеная капуста, ржаной хлеб, сезонные овощи — это не "еда для бедных". Это топливо для тела, проверенное поколениями наших предков, живших в гораздо более суровых условиях, чем мы. Отказ от "мусорной еды", от употребления сахара, от бесконечных перекусов — это акт сопротивления гигантской индустрии, которая делает нас большими, слабыми и управляемыми.

Второе — информационное. Цифровая среда сегодня — это не только инструмент, но и мощнейший генератор шума, отвлекающий от сути. Бесконечная лента новостей, токсичные комментарии, вирусный контент — всё это рассеивает внимание, истощает психику, формирует клиповое мышление. Подвижник цифровой эпохи сознательно ограничивает входящий поток. Он не сидит сутками в социальных сетях. Он использует цифру как рабочий инструмент, а не как развлечение. Он умеет отличать стратегические данные от информационного мусора.

И третье, самое близкое мне лично, — телесное: регулярные практики, укрепляющие тело и дух. Для меня это тренировки с гирями, суставная гимнастика, дыхательные упражнения, закаливание. Это не спорт ради рекордов или эстетики. Это поддержание себя в рабочем, боевом состоянии. Тело подвижника должно быть готово ко всему: к долгой физической работе, к стрессовой ситуации, а разум — к необходимости быстро принять решение с холодной головой.

Я пришёл к этому на собственном опыте. Двадцать лет работы "в полях" — мерчандайзинг, управление командами, корпоративное обучение — научили меня ценить ресурс собственного организма. А недавнее погружение в мир искусственного интеллекта показало, что без дисциплины ума и тела в цифровой реальности долго не протянуть. Гири, прорубь, простая еда — для меня это не хобби и не блажь. Это способ оставаться в строю, когда мир вокруг штормит. И я вижу, что не одинок. Вокруг всё больше людей, которые интуитивно нащупывают этот путь. Бывшие силовики, ставшие программистами. Агроarii, внедряющие новые технологии. Спортивные наставники, оцифровывающие биомеханику. Рабочие, которые после смены у станка садятся за учебники по цифровым технологиям. Это новая генерация русских подвижников.

Русская История знает времена, когда подвижничество становилось массовым явлением. Монахи-отшельники, в одиночку уходившие в северные леса и основывавшие там монастыри, которые впоследствии становились центрами культуры и хозяйства. Земские врачи и учителя, ехавшие в глушь не за длинным рублём, а по зову сердца. Инженеры и рабочие, строившие заводы в чистом поле. Сегодня нам нужен новый тип подвижника — цифровой зодчий. Человек, который способен и нейросеть настроить, и печь растопить. Кто-то понимает код, но не становится его рабом. Кто-то остаётся Человеком в мире, где нас пытаются отменить, превратив в придаток к смартфону.

Строительство Собора, о котором пишет Андрей Фефелов, невозможно без армии таких людей. Собор — это не только цифровая платформа. Это новое общество. А любое общество состоит из личности. И, если эти личности будут слабы, зависимы и ведомы чужими желаниями, Собор рухнет, каким бы совершенным ни был его код.

Путь подвижничества — это не отказ от радостей жизни. Это обретение подлинной, а не мнимой радости — от крепкого тела, ясного ума и осмысленного труда. Это путь свободы в мире, который пытается поработить нас через желания. Это путь человека будущего.

И начинается он не с лозунгов, а с простого ежедневного выбора, который каждый делает сам.

Кирилл ВЛАСЕВИЧ

Иллюстрация: композиция в стиле Родченко

В РОССИЙСКОМ информационном пространстве за последние десятилетия укоренился термин, который на первый взгляд кажется частью молодёжного сленга, но по своей сути содержит серьёзные социальные, а в сегодняшних условиях — и военно-политические смыслы. Речь идёт о понятии "ЛОМ" — лидер общественного мнения. Как правило, это люди с аудиторией от нескольких сотен тысяч до нескольких миллионов подписчиков, размазанной по разным, в основном зарубежным, сиречь глобалистским социальным сетям: актёры, спортсмены, телеведущие, певцы, а также их супруги и дальние родственники, которым повезло оказаться в объективе камер в нужный момент. Их публикации давно уже переросли формат частных историй "богатых, успешных и знаменитых" и превратились в информационное сырьё для новостных лент. Федеральные и региональные СМИ отслеживают каждый чих ЛОМов, перепечатывают реплики, смакуют детали личной жизни и запускают всё это в турбину обсуждений и интернет-комментариев.

В тяжёлые дни, когда Родинаողոշուկнулась с серьёзнейшей военной угрозой, когда от налётов дронов на границах и в глубине страны гибнут люди, именно эти ЛОМы должны становиться и ретрансляторами официальных заявлений, и организаторами деятельной помощи. Однако в реальности происходит нечто противоположное.

Удар украинских дронов по Старобельску обернулся ужасной трагедией — были убиты десятки детей. И именно в эти дни самые яркие, самые раскрученные и самые дорогие из российских ЛОМов словно воды в рот набрали. И находились они не среди поминальных свечей, не у постелей раненых и не на благотворительных вечерах, а на Лазурном берегу Франции, прямо в недрах Каннского кинофестиваля.

Перечислим тяжёлую артиллерию: Ксения Собчак, Надежда Стрелец, Оксана Самойлова, Анна Калашникова, Виктория Боня, Елена Перминова. Там были ещё несколько десятков менее громких, но столь же нарядных российских инстасмоков.

Что мы увидели в Каннах? "Ломки", напаялив на себя роскошные наряды и

ПЛЕСЕНЬ В КАННАХ

сверкающие драгоценности, демонстрируя свою сугубую элитарность и европейскость, сгрудились на Красной дорожке. Им было абсолютно безразлично, что французы — хозяева данного мероприятия — активно участвуют в коалиции, убивающей русских детей. Им было глубоко наплевать на траур, на тяжёлую боль, которая разлита по всей России. Они лелели из Москвы частными рейсами, а затем помпились в двери закрытой тусовки, толкались локтями, чтобы занять место в первом ряду на премьере фильма, который, мягко говоря, не прописан любовью к той стране, в которой они родились и выросли. Речь о картине режиссёра-эмигранта Андрея Звягинцева "Минотавр" — фильме, который уже на стадии анонса считывался как русофобский (эта характеристика полностью подтвердилась во время премьеры).

Хлопая накладными ресницами, они заявили, что война — это не их тема, что они "не вмешиваются в политику", что их удел — лайфстайл, диеты, путешествия и светские вечеринки. Но политика всегда была и остаётся фундаментом Канн. Каннский кинофестиваль — это огромный идеологический завод, кузница смыслов и машина по легитимации определённых политических нарративов. В этом году программа фестивалю кричала об этом громче, чем когда-либо прежде. На суд зрителей и жюри выставили немыслимое количество лент о войнах: гражданская война в Испании — целых два фильма, послевоенная Германия, картины о боях Сопротивления и коллаборационистах (три французские ленты одновременно!), ленты о Первой мировой, о Второй мировой, о современных вооружённых конфликтах. Был даже японский фильм, в котором без какого-либо сюжетного обоснования, просто фоном, проходили военные учения. Каждая из представленных стран обращалась к своему военному опыту, выкристаллизоваывая удобный

для себя и для глобального либерального мейнстрима национальную травму. Что это?! очередной манипулятивный способ подготовить народы Европы к новой большой войне?

На этом фоне слова инстасамки Виктории Бони, заявившей в одном из интервью, что её лично интересуют коровы в Челябинской области, кажутся верхом цинизма и двуршинчества. Ведь убитые в Старобельске русские дети её не интересуют. Есть вещи поважнее: лайки, подписчики, контракты с рекламодателями... Последние, как назло, очень любят, когда их амбассадоры появляются на транснациональных тусовках.

НАСКОЛЬКО глобалистская повестка влияет на жюри Каннского фестиваля, стало понятно в день объявления победителей. Никого не удивило, что "Минотавр" Андрея Звягинцева взял Гран-при. Но давайте присмотримся к фигуре самого режиссёра, потому что она является хорошим примером для выявления механизма "мягкой силы", с помощью которой в определённый момент времени диплестуиту удалось покорить народы планеты.

Андрей Звягинцев, сибиряк, когда-то начинавший как актёр и режиссёр второго плана, был отобран и обласан международными структурами, контролирующими мировые СМИ и всех известных киноκριтиков в России и за её пределами. Отсюда оглушительный успех "Возвращения", "Левиафана" и "Нелюбви". Фильмы Звягинцева чем-то похожи между собой. Все они рисуют русский социум в тёмно-серых тонах безнадежности и безверия. Неудивительно, что Звягинцев получал призы Венецианского и Каннского фестивалей, имел две номинации на "Оскар" в категории "Лучший фильм на иностранном языке". После 2017 года о Звягинцеве, по сути, забыли. Его проекты не находили финансирования, он исчез из новостных лент, и казалось, что его звезда закатилась. И

вдруг — спустя девять лет молчания — он представляет фильм "Минотавр", который, по его собственному признанию в интервью эмигрантскому телеканалу "Дождь" (признанному в России иностранным агентом), он снимать изначально не планировал, будучи занятым другим проектом. Но вдруг нашлись деньги. Фильм снимался не в России, а в Латвии. Это ремейк французской картины Клода Шабрля "Неверная жена" конца 1960-х годов, но действие перенесено в современную Россию — "с её давящей атмосферой криминала и тотальной безысходности". Но главное — в этом фильме контекст 2022 года, начала Спецоперации. Как было написано в одном из модных журналов: "Это кино о российской семье, которая продолжает хвататься за иллюзию нормальности, когда вокруг рушится мир". Искусно сделанное, мрачное, гипнотическое кино — оно совершенно ангажированное.

Права на фильм "Минотавр" заранее, ещё до премьеры, приобрёл стриминговый сервис "Муби". За инвестиционной структурой этого сервиса стоят фонды, тесно связанные с израильским технологическим сектором. Таким образом, "анти-военное кино" о России, показывающее её в исключительно чёрных тонах, финансируется структурами, аффилированными с "самым мирным государством на планете". Но это скорее курьёз, хоть и весьма показательный. Кино ведь всегда было оружием. Кино — это про власть над умами миллионов.

Фестивальная индустрия, полностью контролируемая глобалистским Синдикатом, последовательно поддерживает те проекты, которые укладываются в идеологический запрос транснациональных элит: Россия должна быть показана как страна-агрессор, как "империя зла", как пространство безнадежности и дикости. И творцы, приникшие к сосцам транснациональных грантов и премий, оказываются встроенными в систему фондов,

дистрибьюторов и стриминговых платформ. Они перестают быть независимыми художниками, становясь элементами механизма мягкой силы. Именно поэтому Звягинцев, получая свой Гран-при на следующий день после трагедии, не сказал ни одного слова о детях Старобельска. Он не упомянул о своих убитых соотечественниках, не выразил соболезнований, ибо он часть противостоящей России системы. Системы, которая, собственно, и нанесла удар по обществу.

Звягинцев, как и другие либеральные деятели западного образа, не почтил память убитых детей, зато обратился к президенту России с призывом в одностороннем порядке прекратить Специальную военную операцию. Впрочем, несмотря на свою откровенно антироссийскую позицию, несмотря на демонстративный выход из жюри премий "Ника" и "Золотой орёл", а также из Союза кинематографистов России, несмотря на переезд во враждебную Францию, Андрей Звягинцев до сих пор не признан иностранным агентом. Он не внесён в перечень экстремистов и террористов. В соответствующих реестрах Минюста и Росфинмониторинга его имя отсутствует. Да и ЛОМы, которые аплодировали Звягинцеву в Каннах, спокойно летают во Францию, позируют перед камерами, публично восхищаются русофобским искусством и возвращаются в Москву, чтобы продолжить зарабатывать на рекламе и лайках, не опасаясь ни блокировок, ни уголовного преследования. Разве это разрывает ткань общества, не создаёт мучительного ощущения несправедливости?

На премьерном показе, как уже было отмечено, засветилась непотопляемая Ксения Собчак, заменившая в русском общественном сознании Анатолия Чубайса. Её кривляния на красной дорожке происходили в тот самый час, когда в Старобельске разбрызгали завалы. Странно, этот мир гламура уверен в своей несокрушимой силе и вечности. Но эта уверенность ложная. Уже дуют, дуют ураганные ветры новой эпохи. Недолго тебе сверкать бриллиантами на фоне русской трагедии, Ксюша... Старый мир меркнет и тает с каждым днём. Каннская дорожка покрывается плесенью.

Нина ПРОТАСОВА

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года.

Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (903) 131-53-97

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.

E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/>

Служба распространения: (499) 246-88-52 (т./ф).

Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 13 000

Заказ № 2443-2026

Дата выхода в свет — 27.05.2026 г. Подписано в печать 26.05.2026 г. в 14.00, по графику — в 14.00

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ

Ответственный секретарь — Наталья КЕРИМОВА